

ДОВОЙ

Алексей Фомич везет домового в Московский университет. Наверняка есть и другие научные организации, принимающие домовых, только где их искать? Поэтому как посоветовали, так и решено — в университет. Даже немного боязно, в Москве Алексей Фомич не бывал с самой своей юности, да... лет пятьдесят уже не был, какая она теперь? По телевизору не разберешь. Грузовик сильно подбрасывает, а в промежутках мелко трясет, никогда не будет в России нормальных дорог, ни хрена здесь не будет хорошего... Он держит на коленях картонную коробку из-под утюга и радуется, что догадался накрошить туда сена, а само тельце обернуть паклей, — а если б поленился и ограничился тряпочкой, одну пыль бы и доvez до ученых. С машиной, конечно, повезло, шутка ли — триста пятьдесят километров... а Николай обещал выгрузить картошку и подвезти к самому университету, а потом по ситуации, — если сразу заплатят, то можно затовариться — и домой, а если захотят какой-нибудь научный совет созывать, пусть дают денежный залог и расписку, что приняли неизвестное существо от Егорова, такого-то числа... а если начнут выкобениваться, мало ли... он заберет домового, забесплатно не оставит его на исследование, лучше уж похоронит по-человечески.

— Ты потише ехай-то, все кишки уже растрясло! Куды так гнать посеред ночи?

— Не бойсь, дядь Фомич... надо поднажать, авось проскочим... На въезде в Москву знаешь, какая пробка скапливается?! На полдня можем встретить...

У всех вроде водятся домовые, вот Колька тоже всегда говорил, что у их живет домовой, похожий на кота, — жена пару раз его видела в погребке. Ивановна опять же... все жаловалась, что ей кто-то по ночам путает волосы, она их даже подрезала, а все равно... пока не стала оставлять на столе угощение, не прекратилось. Но чтобы вот так — обнаружить мертвое тельце, такого в деревне еще не бывало, да что в деревне, ясное дело, что случай этот исключительный, просто-таки волшебный. И ничего тут не скажешь сомнительного, не отмахнешься от факта — волосатик размером с мышь, зато ручки-ножки человеческие, все пальчики на местах. И лицо человеческое, только коричневое, сморщенное... а может, он и есть старый, может, триста лет ему, кто ж это знает? Вот полового органа нет никакого, видать, они бесполое, или где-то внутри спрятано... Ковриха, старая дура, хватанула тру-

пик и давай вертеть-разглядывать, а ручка хрясть — и отломилась в плече, он же сухонький весь, хрупкий... как не свое, можно хватать и портить. Ну ничего, ручка только отломилась, остальное все целое. Интересно, из чего они состоят, эти домовые... в ручке кости не видать, и пахнет таким замшелым, как трухлявое дерево. Помер-то он точно вчера, от тоски, это ясно... и вот ведь не испортился, не стух, а сразу высох. Как-то Алексей Фомич обнаружил у себя за печкой сухую мышь, это понятно — от жару высохла, а домовая из другого матерьялу, вот пусть и разбираются...

Алексей Фомич слывет в деревне оригиналом, одинокие бабы потеряли надежду привлечь его внимание и стали распускать слухи, что он живет со своей кобылой. Им обидно, понятно. Мужики-то его уважают. А на хрен Фомичу эти бабы? Вот именно, что и на хрен уже не нужны, так зачем тогда жить с ними? Чтоб пилила тебя с утра до вечера какая-то страшилища? То надо, се надо, то не так, это не эдак... Ха! Знали бы эти дуры, что в деревню Каменку он сбежал от жены. Жена хорошая, но учительница, и ему тоже доставалось — голос поставлен, нотки приказные. А своих детей нет, так и чего на старости куковать вдвоем? Да еще в бетоне, без кислорода? Рязанскую квартиру разделили, и на свою долю Фомич приобрел домишко в Каменке и лошадь породы русский рысак... Венеру. Кобылу красоты необычайной... во всяком случае, с точки зрения Фомича. Алексей Фомич любит красоту, сам не понимает даже, откуда в нем это, но уж случилось. Эх... белая, стройная, кареглазая, с пепельной шелковистой гривой, а умная какая, а нежная! Раньше-то Фомич и не знал, какое благородное животное лошадь, смотришь, не налюбишься — как ходит, переступая... как помахивает хвостом и поводит бедрами... А какое умиление, когда она тычется в ладони мягкими влажными губами, деликатно берет угощенье. Сесть на Венеру верхом или впрячь ее, не дай Бог, в телегу? А ведь попади она в чужие руки... даже подумать страшно. Алексей Фомич выстроил для Венеры конюшню и просторный вольтер, а в самые лютые холода брал ее в дом, чтоб погрелась у печки. А уж она за ним, как собачка, куда он, туда и она... все понимала, только что не говорила. Конечно, бабы стали насмеяться, ну, например, — идет с базара пеший Фомич, тащит тяжелый груз, а рядом шествует налегке кобыла, как королева вышагивает. И в огороде Фомич начудил — придумал устроить фонтан... и каменных скамеек наделал себе Фомич, и даже грот с электрической лампочкой, все только руками разводят — что за блажь? А вот для красоты... И еще проложил широкие дорожки, чтобы Венера могла свободно ступать между грядок.

— Слышь, Ляксей Фомич... а может, это, американцам его... ну, в смысле продать? Как думаешь? Они уж точно больше дадут, чем наши-то... у нас наука вообще того, загибается, я по радио слышал, а, Фомич?

— Ты чё, Николай, совсем уже? Каким американцам я пойду продавать?! Где эти твои американцы?

— Так я это... я ж знаю, где ихнее посольство находится, могу показать.

— Нет уж, спасибочки... а наши менты подумают, что я ихний шпион, потом не отмоешься... знаю я, только сунься в то посольство...

Покуда еще не рассвело, но дорога явно улучшилась, по ощущению... наверное, чем ближе к Москве, тем лучше. Алексей Фомич осторожно приоткрывает коробочку — вот он, бедолага, лежит, ручка отдельно... такой трогательный и беззащитный, на паклевой перинке. Эх, чего только не бывает на белом свете... не сломался, слава Богу.

— Ляксей Фомич, покажи-ка чудика...

— Не налюбовался еще? Это я проверял, все ли у него цело. Ну, на, смотри...

Домовой завелся у Фомича не сразу, не как он въехал в дом, а гораздо позже, года через три... И не в доме он завелся, а в конюшне. То вещи вдруг переставлены с места на место, скамеечка там, коврик, ведро... То у Венеры хвост заплетен косицами, а то вообще — откуда ни возьмись букет полевых цветов оказался в пустой банке, да еще вода была налита. Сначала Алексей Фомич не знал, что и думать, — ребятишек в деревне нет, разве что соседка Зинка Корнеева так неумно с ним заигрывает... Зинке шестьдесят, формы у нее необъятные, как так она незаметно перемахивает забор — загадка... Но как-то утром Фомич зашел в конюшню и обнаружил, что на спине у спящей Венеры посапывает мохнатое существо размером с крысу — лежит, свернувшись калачиком, и тоненько так посвистывает во сне. Он подошел поближе, чтобы разглядеть зверька, но тот учуял человека, встрепнулся и ка-ак прыгнет, и даже как будто и не приземлился, как будто в воздухе исчез. Вот это да... Сначала Фомич подумал было, что это летучая мышь — кровосос, но никакой раны на Венере не было, да и раньше ведь тоже не было. Пришлось признать — у него завелся домовый, вернее, не у него, а у Венеры конюшенный... понравилась ему кобыла, ну и понятно, Фомич это как раз понимал. Ставил ему на ночь блюдце с молоком и крошил хлебушек, а перед тем как войти в конюшню, всегда стучался в дверь. А то, что у этого домового такое человеческое лицо, Фомич не знал, он же не рассмотрел его толком... а знал бы, так, наверное, побаивался. Ивановна говорит, что это научное открытие, все равно как иноплане-

тянин, и лучше увезти его назад, чем взять меньше тысячи долларов, или евро... как там теперь эта валюта называется, а это примерно... тридцать тысяч рублей... хм, для Каменки, конечно, огромные деньги, но Колька прав — на Западе бы за него ухватились, и миллион бы могли отвалить, а тут могут вообще ни хера... тут же все любят на халяву, скажут — ах, как интересно, назовем его вашим именем, Домовой Егорова, нравится? Какого ж еще вам рожна? Войдете в историю. А денег нет, деньги нам самим нужны, знаете, на науку, на все такое... Ну и в жопу, нашли дурака...

У Алексея Фомича вдруг испортилось настроение, или растрясло его, что ли... к тому же захотелось писать, надо бы остановить. Такой туманище напалз на дорогу, едешь, как в молоке, да уж, октябрь... скоро зима, деньги бы как разгодились — крышу обновить, утеплить веранду. Да нет, настроение у него и было хреновое, какое тут может быть настроенье, когда умерла его Венера... и ведь не болела толком, за три дня вдруг тихо так угасла, как же она дышала, как смотрела... жаркие слезы наполнили глаза Алексея Фомича. Ветеринар так и не приехал, козел, то ему некогда, то машина сломалась... всю прошлую ночь Фомич просидел над кобылой, а ей все хуже и хуже... то похрипит, то затихнет, впадет в забытье, и голову уже совсем не держала, и от воды отказывалась. А кто знает, что у ней внутри за болячка? Ничем он ей не помог, только смотрел и плакал... а под утро задремал от нервов и от усталости, а как проснулся — все, отошла Венера... А рядом с ее мертвым брюхом лежал этот домовой, только уже не калачиком, а вытянувшись на спине. Он тоже был мертвый и совершенно сухой. Его запрокинутое лицо, ну да, не морда же, лицо — иначе не назовешь, так поразило Алексея Фомича, что он долго сидел как замороженный, рассматривая миниатюрные губки, точеный носик, остеклевшие голубые глаза без радужной и зрачков, тоненькие сросшиеся бровки... а после позвал соседей. Нет, не обман зрения, он не сошел с ума, все видели домового. А сучья Ковриха даже испортила это чудо природы, да... если бы все наперебой не уговаривали везти домовенка в Москву, он бы точно похоронил его вместе с Венерой, или не похоронил? Оставил бы себе на память... ясно, что бедняга не перенес разлуку с лошастью, надо же, какая преданность... и наверняка у него нет родственников. Да, интересно, бывают ли у домовых родственники?

Фомич тяжело вздохнул, заерзал на сиденьи, пожалуй, пора... Вон как туман клубится над рекой, воды не видать, а тут наверху уже почти рассосалось.

— Ты Коль, останови где-нибудь, мне поссать надо.

— Погоди, Фомич, ща мост переедем, там дальше будет железнодорожный переезд, если его перекроют, потеряем кучу времени... потерпишь пять минут? А то у меня перед носом как-то закрыли, и пошел товарняк на полчаса... ща, проскочим, я тоже ссать хочу...

— Слушай, чота я уже не могу, давай останови лучше, я быстро...

Такое вдруг непреодолимое желание выйти из кабины пробудилось в Фомиче, что он сам удивился, вроде и потерпеть может, а вот нет же, надо срочно, срочно остановиться! Обязательно на этом берегу, ну чего он тянет?!

— Да блин, Фомич... а это что за херня?!

Почему вдруг грузовик потерял управление и поехал вбок? Дорога хорошая, вот он, мост, впереди... но как ни матерился водитель, как ни выкручивал руль, большая машина свернула с главной дороги, понеслась вниз по грунтовке и врезалась в опору моста. "Держись, Фомич!" — только и успел крикнуть Николай перед лобовым ударом, а после вылетел из кабины вперед. Брызнуло стекло, Алексей Фомич зажмурился и вцепился в сиденье, а он бы и не вылетел никуда — его зажало. В момент удара острая боль пронзила позвоночник, изо рта посыпались то ли зубы, то ли осколки стекла, а шея была свернута набок... Но боль куда-то уходила, превращаясь в тупую, далекую... зато и сознание постепенно покидало его... Последние искры уплывающего сознания отметили странное — из открытой коробки, которую он все еще сжимал коленями, выкарабкался живехонький домовый, и ручка на месте... он взобрался наверх по рулю и был таков — выпрыгнул из грузовика... "Вот стервец... так это мы его подвозили... он на ту сторону не хотел..." — и Алексей Фомич двинулся в темноту...

Но все выжили, слава Богу, только долго лечились. Николай сильно изрезал лицо, а Алексей Фомич потерял почти все свои зубы. Зато оба знают теперь, что домовые — бессовестные и недружелюбные твари, чуждые людям формы жизни, как ты их ни подкармливай.

Москва

